

4. Бахаревич, А. Угроза / А. Бахаревич // Доберман. – 2008. – № 7. – С. 108–113.
5. Маклюэн, Б. Понимание Медиа: внешние расширения человека / Б. Маклюэн; пер. с англ. В. Николаева. – М., 2007. – С. 9.
6. Дубавец, А. «Доберман» поместил на обложку мертвеца [Электронный ресурс] / А. Дубавец. – Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/culture/2008/09/24/ic_articles_117_159139/.
7. Gill, R. Discourse analysis: practical implementation / R. Gill // Handbook of Qualitative Research Methods for Psychology and the Social Sciences / J. T. E. Richardson (Ed.). – L., 1996. – P. 125–142.
8. Мартинович, В. Белорусское золото / В. Мартинович // Доберман. – 2008. – № 7. – С. 28–30.
9. Новицкий, Д. Don't worry. Belarus happy / Д. Новицкий // Доберман. – 2008. – № 7. – С. 34.
10. Андреев, А. Золотой запас / А. Андреев [и др.] // Доберман. – 2008. – № 7. – С. 58–62.
11. Колевитский, Д. Бромсониада. Отчет о посещении Дуги Бримсоном города-героя Минска / Д. Колевитский, В. Радьков // Доберман. – 2008. – № 7. – С. 76–79.
12. Скороход, Е. Их родина / Е. Скороход // Доберман. – 2008. – № 7. – С. 96–97.

АСПЕКТУАЛЬНОСТЬ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ В СВЕТЕ ИНЬЯН-КОНЦЕПЦИИ

Т. Н. Нестерович

Предлагаемые размышления представляют собой попытку взглянуть на традиционно разрабатываемые в отечественной и зарубежной лингвистике проблемы системно-функциональных и когнитивно-прагматических отношений в языке и речи с новых позиций, отталкиваясь от символов другой, далекой и древнейшей культуры Востока, попытку проникнуть в глубинное значение ее фундаментальных понятий и символов, важнейшими из которых представляются *инь* – *ян*.

Эти символы предстают как воплощение самой глубокой китайской философии и самого типичного мышления, они позволяют не обращаться, в частности, к таким понятиям, как число, время, пространство, причина, ритм. Для их передачи достаточно воспользоваться данными конкретными символами *инь* и *ян*, которые вместе с *тао* вмещают в себя весь Мировой порядок и Образ мышления (Великий Предел из Книги Перемен) [2, с. 1033]. В понятийной картине мира китайцев нет строгого разделения на представление времени, с одной стороны, и представление пространства, с другой; оба понятия не способны существовать

отдельно и независимо от процесса деятельности индивида, человеческая активность позволяет реализоваться обоим концептам одновременно. А так как действия человека, физические либо интеллектуальные, не способны существовать вне времени и пространства, то и время, и пространство находят воплощение и воспринимаются только в связи с конкретными событиями или процессами.

Восточное мировосприятие делит время на периоды, а пространство на области, эти периоды и частные пространства проявляются в конкретных ситуациях в виде *инь* или *ян* в зависимости от того, являются ли они светлыми или темными, хорошими или плохими, внутренними или внешними, теплыми или холодными, маскулинными или феминными, открытыми или закрытыми и т.д. Таким образом, *инь* и *ян* располагаются в основе национальной когнитивной пространственно-временной модели восприятия мира. Поскольку первоначальный смысл этих понятий связан с представлением двух склонов холма или долины, освещенного и находящегося в тени, *инь* и *ян*, в широком смысле, отражают темную и светлую стороны всех вещей и явлений, а в конкретной ситуации противопоставляют отрицательные и положительные явления, землю и небо, женщину и мужчину, другие бинарные и взаимодополняющие понятия и явления.

Происхождение этих терминов и понятий связано с изображением гексаграмм в книге «И цзин», известной под именем “*Living des Mutations*” – «Книги Перемен», единственной книги, которая не была сожжена и уцелела при уничтожении трактатов древневосточной философии в III в. до н. э. По мнению Масперо [3], она может восходить к VIII или VII в. Гексаграммы, типично китайские символы, представляют собой сложные фигуры, состоящие из шести штрихов или линий, прерывистых (— — —) или непрерывных (—), вместе они образуют *тао*, универсальный принцип управления порядком. Всякая непрерывная линия символизирует солнце, тепло, активность, мужское начало, нечетное число – все это *ян*; каждая прерывистая линия отображает противоположные явления – холод, пассивность, женское начало, четное число – все это *инь*. Чередование этих линий образует 64 гексаграммы, первичными из которых являются *ян* и *инь*: гексаграмма *ян* образована из 6 непрерывных линий и представляет Отца, силу и солнце, а гексаграмма *инь* образована из 6 прерывистых линий и воплощает Мать, пассивность, луну.

Исследователи предполагают, что в древневосточной философии всеобщий порядок (или Великий Предел) трактовался как равновесие этих двух элементарных принципов, которое заключается в их дуализме и взаимной дополняемости, или точнее, в изменениях, приводящих к их чередованиям, переходам из одного качества в другое [2, с. 503, 1032, 1033]. Они не существуют друг без друга, они неразделимы, ритм мирового устройства обусловлен их последовательной сменой: *Yi yin, yi yang; in yin, in yang; une fois yin, une fois yang; mo yin, mo yang*; сравним символическое также для нашей культуры чередование белого и черного как смену положительных и отрицательных периодов жизни.

Представим себе, однако, что в спектре *инь* вдруг вспыхивает точка *ян*, а в спектре *ян* проявляется пятнышко *инь*, взаимосвязь и взаимозависимость двух явлений служат подтверждением их неразрывности: так во мраке *инь* мерцают следы света, а в освещенном *ян* неуловимо скользит сумрачная тень. Таким образом, *инь* и *ян*, хотя и символизируют два полюса оппозиции, никогда не противопоставляются абсолютно, по той причине, что между ними существует постоянная связь и движение, благодаря которым осуществляется переход одного качества в другое, обеспечивающий эту непрерывность, граничащую с дискретностью. Все – человек, время, пространство – содержит черты этих двух начал одновременно, в каждом из них заложены перспективы эволюции и регресса.

Примечательно, что в китайской литературе эти два ведущих символа постоянно присутствуют в эксплицитной форме либо в виде аллюзий. В книге Мао Цзе-Дуна «Стратегия революционной войны», например, можно прочесть: «Китай – огромная страна, в которой наступает ночь на Западе, когда встает день на Востоке; в которой свет отступает на Юг, в то время как Север озаряется». И далее: «Неудача часто является залогом успеха (порождает успех)». (Наш перевод с французского [2, с. 1034]: *La Chine est un grand pays où la nuit tombe à l'Ouest, quand le jour se lève à l'Est; où la lumière se retire au Midi, tandis que le Nord s'éclaire. ...L'échec est souvent l'accoucheur du succès.*)

Так, древневосточная философия позволяет по-новому взглянуть на дискутируемую в последние десятилетия тему взаимоотношения понятий и терминов «текст» и «дискурс», всесторонне проанализированных Ю. Е. Прохоровым [1]. В рамках философско-методологических принципов восточной школы язык понимает-

ся как движение, взаимодействие, взаимопроникновение и взаимопревращение двух древневосточных начал, при этом текст может быть представлен как *инь*, а дискурс как *ян*. Ю. Е. Прохоров ссылается на иньян-концепцию, разработанную китайскими и вьетнамскими исследователями применительно к толкованию текста и дискурса, и конструирует модель человеческого языка, обладающего, с одной стороны, антропоцентрическими признаками (когнитивная, созидательная и прагматическая сила), а с другой, – системными признаками (структурно-функциональная сила). Таким образом, текст представляется как потенциал *инь*, дискурс же выступает реализацией этого потенциала в речевой деятельности *ян*, что позволяет рассматривать их в качестве двух противоположных сторон одной сущности. Что же касается построения и исследования самого дискурса, его прочтение как нельзя лучше вписывается в рамки иньян-концепции: системно- и структурнообразующие единицы составляют языковую сторону *инь*, а ситуативные, социокультурные, прагматические, психологические воплощают экстралингвистическую сторону *ян*. Следовательно, данная модель позволяет учесть и ранжировать все лингвистические и экстралингвистические факторы, выделить и объединить все текстовые и дискурсивные категории.

Толкование роли и места текста и дискурса в коммуникации с позиций «более высокого уровня обобщения, в которое они на равных входят», приводят исследователя к выделению трех фигур коммуникации: 1. экстравертивной фигуры коммуникации – дискурса как совокупности вербальных форм практики организации и оформления содержания коммуникации; 2. интровертивной фигуры коммуникации – текста как совокупности правил лингвистической и экстралингвистической организации содержания коммуникации и 3. материальной фигуры коммуникации – действительности как совокупности материальных условий осуществления коммуникации [1, с. 28–35]. Предложенный автором подход предоставляет возможность определить, в общем смысле, поле деятельности современных лингвистических школ, в частности, антропологической направленности, таких как этнолингвистика, когнитология, лингвокультурология, психоллингвистика, а также прагматика, изучающая реальные процессы языкового и неязыкового общения применительно к участникам коммуникации – субъекту речи и адресату речи – на основе исследования речевой деятельности и взаимодействия участников речевого акта.

Опираясь на всеобъемлющий характер образов и фигур иньян-концепции, можно не только продемонстрировать, но и попытаться объяснить существование в национальной понятийной картине мира таких понятий и, соответственно, в языковой картине мира таких концептов и их составляющих, которые являются отражением и отображением национального видения мира в отдельных языках, а также тех особенных глубинных семантико-синтаксических структур, которые находятся на стыке разноплановых явлений, на периферии системы, не вписываются в общие правила и требуют отдельного толкования. Общеизвестно, что проще описать и структурировать явления одноплановые, но сложно в языке отыскать явления строго одного порядка, позволяющие применить единый подход к их описанию и систематизации.

Так, например, времена французского глагола, с помощью которых действие соотносится с моментом осуществления высказывания говорящим субъектом или согласуется с другими контекстуальными формами выражения событий или состояний, представляются одновременно носителями аспектуальности: специальных форм глагола для выражения аспекта французская грамматика не предлагает. Можно утверждать, что аспектуальность в этом случае реализуется как оппозиция между грамматическими временами: *Imparfait*, выражающим прошедшее незавершенное действие, состояние, процесс, и *Passé Simple*, литературно-письменным временем, которое исторически используется для представления действия завершенного. Этой же цели служат сложные, аналитические формы времен, являющиеся новообразованиями по отношению к латинской традиции. Основной оппозицией в выражении аспекта выступают, следовательно, в зависимости от устного или письменного стиля общенная, синтетические и аналитические формы глагола.

Кроме того, начинательность, протяженность, завершенность реализуются с помощью полувспомогательных глаголов, таких как *aller, avoir à, devoir, être en train de, être à, être sur le point de, être près de, être pour, faillir, manquer, pouvoir, vouloir, venir de*, которые присоединяют инфинитив, собственно аспектуальных глаголов *commencer, finir*, некоторых морфологических составляющих глагола – суффиксов или префиксов, а также через лексическую семантику самого глагола-предиката, который может обозначать состояние (*aimer, détester, respecter* – любить, ненавидеть, уважать), действие как переход в другое состояние

(*grandir, rougir* – расти, краснеть), процесс (*écouter, rester* – слушать, оставаться) или как одноразовый акт, одномоментное событие (*naître, mourir, entrer, sortir* – родиться, умереть, войти, выйти). Некоторые наречия своим значением также содействуют обозначению действия-процесса или действия-события, протяженности во времени или одномоментности действия, начинательности или завершенности: *soudain, ensuite, aussitôt, longtemps, déjà, encore, toujours, depuis, autrefois, d'habitude, de temps en temps* – вдруг, затем, тотчас, долго, уже, еще, всегда, с тех пор, прежде, обычно, время от времени и другие. И, наконец, на периферии семантико-синтаксического поля аспектуальности можно разместить стилистическое употребление глагольных времен с обратным, в отличие от привычного, аспектуальным эффектом, к примеру, употребление *Imparfait* вместо *Passé Simple*, направленное на то, чтобы привлечь внимание читателя: *En 2000 paraissait son nouveau livre.*

Как следует из приведенных примеров, лексико-грамматическая система французского языка стремится компенсировать недостаток аспектуальных форм глагола, в этом же поле высвечиваются и некоторые качественные прилагательные, а именно, те, которые в своем переходном употреблении присоединяют предложное дополнение, часто представленное инфинитивом глагола: выступая формально как своеобразные модальные предикаты по отношению к диктальному глаголу, они могут придавать действию аспектуальные оттенки. Так, прилагательные *capable, prêt* выражают готовность приступить к выполнению действия или способность его совершить: *Toi, Daven, tu me reconduiras en taxi si je ne suis pas capable de marcher droit... G. Simenon; Il attendait de moi que je fusse prête à tout quitter pour l'accompagner. A. Maurois*

При этом в сочетании с прилагательным *prêt* даже те глаголы, которые содержат в своей семантике компонент статичности, как *aider, aimer, écouter*, теряют его, приобретая характеристики динамических предикатов: *Je sentais qu'il était bon et prêt à m'aimer; que j'aimerais l'aimer. F. Sagan*

Что касается прилагательного *capable*, оно также способно взаимодействовать с глаголом-инфинитивом и в силу грамматикализации своего лексического значения представлять элемент начинательности как статических, так и динамических предикатов: *C'était Marlène qui aurait été capable de vivre en musique du*

matin au soir. G. Simenon; ...François fut incapable de lui répondre. M. Druon

Другие прилагательные – *apte, bon, enclin, susceptible* – представляют действие как длительное, с элементом статичности:

Jean était enclin à plaindre tout le monde. G. Simenon

... un homme ne naît pas jaloux, il apporte seulement un état de réceptivité qui le rend apte à contracter cette maladie. A. Maurois

В высказывании *Pendant le déjeuner, ils étaient tous attentifs à recueillir ce qui tombait de mes lèvres...* F. Mauriac прилагательное *attentif* приближается по значению к *хотеть, желать, стараться*, обозначает процесс протекания действия, придавая действию аспектуальный оттенок, а именно признак длительности.

Характерной грамматической особенностью данной категории прилагательных является либо постоянно присущее им предложное распространение, либо изменение значения в случае предложно-инфинитивного дополнения: их частичная десемантизация приводит к обозначению начинательности/протяженности действия. Таким образом, взаимодействие лексической семантики с синтаксической в рамках конструкции *Adj + Prép + Inf* приводит к грамматикализации лексического значения определенных прилагательных. Это – рождение грамматического значения в лексическом.

С другой стороны, нет ничего необычного в том, что качественное прилагательное получает предложное распространение: будучи потенциальным предикатом, оно способно становиться центром пропозиции. Хотя в поверхностной структуре предложения данные прилагательные согласуются с именем-подлежащим в роде и числе, их десемантизация в конструкции с инфинитивом приводит к тому, что они не могут состояться как самостоятельные предикаты, а служат для выражения начинательности-протяженности действия, представленного диктальным глаголом, а также обозначения степени участия в нем субъекта. Десемантизация качественных прилагательных в конструкции *N + Adj + Prép + Inf* может быть представлена как переход к обозначению аспектуальности диктального глагола или модальной рамки высказывания в широком смысле.

Примеры, связанные со стремлением французских прилагательных способствовать расширению понятийного поля аспектуальности, могут также служить иллюстрацией практического воплощения философии иньян-концепции, они способны опираться на ее базовые понятия.

В результате структурирования основных (фундаментальных) элементов того или иного концепта в его языковом воплощении исследователь часто обнаруживает такие явления, которые требуют иных подходов к описанию их места в системе. Применяемый в исследовании логико-семантический анализ служит для выявления пропозиций на глубинном уровне, трансформационное моделирование помогает определить или подтвердить предполагаемую грамматическую семантику многозначных структур, а контекстуально-прагматический анализ позволяет выявить их социодискурсивное назначение.

Список литературы

1. Прохоров, Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс / Ю. Е. Прохоров – М., 2004. – 224 с.
2. Chevalier, J. Dictionnaire des symboles / J. Chevalier, A. Gheerbrant – Paris, 2005. – 1060 p.
3. Maspero, H. Les religions chinoises / H. Maspero – Paris, 1950.

КУЛЬТУРАМАЎЛЕНЧЫ АСПЕКТ БЕЛАРУСКАМОЎНАЙ РЭКЛАМЫ

I. I. Навасельцава

У эпоху інтэнсіўнай глабалізацыі, імклівага развіцця культурных, навуковых і эканамічных стасункаў, інфармацыйных тэхналогій надзвычай важна падтрымліваць і ўмацоўваць уласна беларускі пласт нацыянальнай культуры беларусаў. Сёння важным чыннікам культурнага, эканамічнага і палітычнага жыцця грамадства, адмысловым сродкам чалавечай камунікацыі стала рэклама, якая не толькі мае сваёй сутнасцю стварэнне пэўнай інфармацыйнай прасторы ў сучасным свеце, наладжванне стасункаў паміж вытворцамі і спажывцом, але і павінна быць часткай нацыянальнай культуры, развівацца ў яе кантэксце.

Псіхалагамі і сацыёлагамі адзначана, што рэклама здольная аказваць моцнае псіхалагічнае ўздзеянне на свядомасць чалавека, яго меркаванні і густы, на фарміраванне грамадскай думкі. «Тэхналогіі маніпуляцыі свядомасцю маюць неабмежаваны запас “раздражняльнікаў”, што дазваляюць прыцягнуць, пераключыць ці рассеяць увагу, паўплываць на яе ўстойлівасць або інтэнсіўнасць. Гэта датычыцца ўсіх спосабаў перадачы візуальнай і сляхавой інфармацыі, усіх характарыстык яе зместу і формы (прымальна нават выкарыстанне арфаграфічных і лагічных